

Хронологическая классификация памятников в этом разделе, разумеется, выгибает априорно, ее обоснование дается в следующем разделе, и мы не вправе, рассматривая данный раздел, обсуждать вопрос о периодизации материала. Точно так же до разбора III главы мы не вправе рассматривать социальную классификацию памятников. Остановимся здесь на принципах географического районирования, принятых автором. Хотя А. Л. Якобсон и оговаривается, что выводы первой главы имеют предварительный характер, они должны быть отмечены, так как полностью соответствуют исторической концепции автора, развитой в следующих главах и уже сказавшейся в предыдущих работах.

В основу пространственной организации материала А. Л. Якобсон положил формально-географический принцип, отчасти сирецировав на средневековый Крым встречаемое в современной литературе членение полуострова на западную, юго-западную и восточную области. Материал юго-западной области А. Л. Якобсон попытался связать с системами рек Качи, Альмы, Бельбека, Черной и особо выделил подрайон Южного берега. На территории, относимой автором к Восточной Таврике, он выделил северное предгорье, южное побережье и Керченский полуостров. Западная равнинная область выделена в особый район. В результате такого районирования особенности культуры Херсона остались неотмеченными: Херсон рассматривается наряду с прочими памятниками нагорья. Специфика единой культуры VIII—IX вв. на Керченском полуострове и в степных предгорьях оказалась смазана, а вопрос о культуре прибрежных памятников восточной части нагорья заранее предрешен включением их в одну область с памятниками предгорий и Керченского полуострова.

Отсюда такие спорные заключения, как тезисы о том, что население Юго-западного Крыма стремилось поселиться ближе к Херсону (стр. 25), что поселения Восточного Крыма тяготели к Боспору, «как к своему экономическому, а затем и политическому центру» (стр. 29) и др.

Нам представляется, что было бы рациональнее при составлении легенды к археологической карте раннесредневековой Таврики учитывать не только формальное положение памятников, но также их принадлежность к определенной культурной области, их культурную ориентацию. Достаточно взглянуть на составленную А. Л. Якобсоном карту (рис. 1), чтобы убедиться, что все отмеченные им памятники объединяются в несколько микрорайонов, отличных друг от друга по природным условиям, по своей экономике, исторической традиции и политической ориентации. Таких микрорайонов шесть: 1) Херсон с его ближайшей округой (Гераклейский полуостров) и 2) Южный берег (от Балаклавы до Судака), ориентированные на малоазийские провинции Византии; 3) область степных предгорий Центрального Крыма и Керченский полуостров (от р. Салгира до Боспора), тесно связанная с северопрichernоморской степью и Приазовьем; 4) замкнутое юго-западное нагорье, густо населенное, имеющее самостоятельную культурную традицию, восходящую к таврскому периоду, превратившееся к XIII в. в автономное политическое образование; 5) восточное нагорье — глухая, малонаселенная (и еще мало изученная в археологическом отношении) область, находящаяся на стыке степного и южнобережного культурных микрорайонов, в политическом и экономическом отношении всегда тяготившая к Судаку и Кафе; наконец, 6) западнокрымская степь — район, спорадические следы средневековья (X в.) в котором были нацунаны только в последнее десятилетие, и их культурная атрибуция еще весьма проблематична. Эти микрорайоны сложились исторически на основе различных природных ресурсов и хозяйственной специфики занимавших их групп населения и сохраняли эту специфику вплоть до XIX в.

Вторая глава монографии несет на себе двойную нагрузку. Во-первых, она обосновывает хронологию памятников, описанных в первой главе, и, таким образом, является в некоторой степени вводной частью работы. Во-вторых, она содержит описание и анализ керамического комплекса изучаемых памятников, и, следовательно, в ней сосредоточен основной фактический материал для суждений о характере материальной культуры, об этносе, об уровне хозяйственного развития и экономических связях обитателей раннесредневековой Юго-Западной Таврики. Глава подразделена на две части и завершается заключением, подводящим итог фактологическому обзору. Первая часть содержит обзор материалов, относящихся к V—VII вв., вторая — к VIII—X вв.

Керамический комплекс раннесредневековой Таврики весьма своеобразен. Он состоит из двух видов керамической продукции, возможности которых, как исторического источника, неравнозначны. Первый вид керамической продукции — амфоры, пифосы, черепицы — представляет развитое гончарное производство, уходящее корнями в античную эпоху. Эта продукция, встречаемая в Северном Причерноморье, либо является импортом, либо — продукцией местных северопрichernоморских гончарных центров, в развитии которых, однако, отразились закономерности общего развития керамического производства раннесредневекового Средиземноморья. И в том и в другом случае они характеризуют экономические и, возможно, политические связи обитателей раннесредневековой Таврики с отдельными районами Византии. Второй вид керамической продукции представляет местное домашнее производство. Только этот вид керамики содержит информацию об этнических связях. Для определения хронологии памятников этот вид керамической продукции менее важен, чем первый, так как менее распространен и значительно менее изучен.